

УДК 070.19

DOI: 10.26456/vtfilol/2022.1.149

ВЛИЯНИЕ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ НА ПОПУЛЯРИЗАЦИЮ ФЕНОМЕНА СКУЛШУТИНГА

Л. А. Шувалов

Тверской государственной университет, г. Тверь

В статье исследуются различные факторы влияния, способные воздействовать на потенциальных скулшутеров. Особое место в этом перечне уделено спорам вокруг способности воздействия средств массовой информации. Феномен скулшутинга заключается в необходимости комплексного изучения причин актов агрессии.

Ключевые слова: *скулшутинг, Колумбайн, перформативный код протеста, фрейм, средство массовой информации, воздействие, медиаресурсы, медиаконтент.*

Скулшутинг – это вооруженное нападение учащегося или стороннего человека на школьников и преподавателей внутри учебного заведения [3]. Кэтрин Ньюман в своих работах, посвященных данному феномену, выделяет следующие неотъемлемые его характерные черты: публичность атаки, которая связана с открытостью образовательной среды; наличие группы лиц, на которых совершается нападение; хаотичность нападения или, наоборот, конкретизация при выборе жертв, часто имеющая четкое символическое значение; наличие одного или нескольких стрелков, которые являются учениками, студентами или выпускниками (бывшими учениками) учебного заведения [15, с. 50]. Как глобальный культурный феномен, который со временем приобрел и медийный характер, случаи скулшутинга особенно участились в 1990-х гг., превратившись в эпидемию [Там же, с. 49], имеющую мировой статус.

СМИ зачастую связывает феномен скулшутинга с «субкультурой Колумбайн» – по названию школы в США, где в 1999 году произошло самое громкое вооруженное нападение учеников на своих одноклассников. Термин «колумбайн» стал эталоном для обсуждения школьного насилия [10, с. 138], «олицетворением проблемы школьной стрельбы и, в меньшей степени, подростковой проблемы преступности в целом» [13, с. 165].

Первый громкий случай стрельбы из гражданского оружия по «американскому сценарию» в российской школе произошел 3 февраля 2014 года. Ученик московской школы убил учителя географии и полицейского, прибывшего на место происшествия. Подростку было предъ-

© Шувалов Л. А., 2022

явлено обвинение в захвате заложников, убийстве и посягательстве на жизнь сотрудников правоохранительных органов [4]. После этого случая феномен скулшутинга все глубже стал проникать в реалии современной России. И у него нашлась поддержка в социальных сетях [2].

Зачастую постколумбайнеры связывают свой акт насилия с привлечением внимания к тому, что они считают недостатками в обществе. Эту идеологию в значительной степени заложили Эрик Харрис и Дилан Клиболд во время нападения на школу «Колумбайн». Социолог Ральф Ларкин считает, что атака на эту школу являлась «политическим актом во имя угнетенных студентов, которых преследуют их сверстники» [13, с. 1309]. В данном случае стоит выделить характерную двойственность: преступники отождествляют себя с ценностями общества, но в то же время выступают против привычных моральных социальных условий. С точки зрения типологии адаптивного поведения Мертона, скулшутеров можно рассматривать как личностей, принадлежащих к категории новаторов: они стремятся для достижения культурных целей славы и признания, но в отсутствие доступных альтернатив они выбирают незаконную стратегию через насильственное преступление [12, с. 290]. Огромное количество скулшутеров подражают действиям Харриса и Клиболда в своих собственных актах насилия. Еще в 2009 году социолог Ральф Ларкин изучил 12 случаев скулшутинга и пришел к выводу, что как минимум в восьми из них нападавшие копировали действия атаковавших школу «Колумбайн» [1]. Скулшутеры прибегают к специфическим визуальным и организационным характеристикам – перформативным кодам протеста.

Перформативный код протеста – это значимые символы и жесты, предназначенные для выражения определенного сообщения, в то время как миметическая инсценировка насилия выражает чувство принадлежности к преступникам [6, с. 100].

СМИ используют схожий по смыслу с перформативным кодом протеста прием – фреймы – «центральные идеи или сюжетные линии, которые организуют и придают смысл проблемам или событиям» [9, с. 143]. Фреймы служат для того, чтобы сосредоточить внимание аудитории на конкретных аспектах истории, но они не могут точно определить, что потребитель воспримет или сочтет правдой, поскольку на людей влияет их личный опыт в дополнение к тому, что им преподносят СМИ. Вместо этого они могут подсказать, о чем и как аудитории следует подумать. Прошлые случаи скулшутинга часто используются в качестве примеров, которые служат основой для обсуждения событий.

Насилие в средствах массовой информации было и остается постоянной чертой медиаккультуры. Популярность таких историй заставляет производителей контента все чаще рассказывать, что называется, смаковать подробности. Однако стоит понимать, что значение насилия меня-

ется в зависимости от используемой системы сообщений. Например, в Германии и Исландии аналитики обнаружили, что люди, которые наблюдали большое количество сообщений о насилии в СМИ, с большей вероятностью говорят, что они чувствуют себя в безопасности [5, с. 80]. Скулшутинг в таких историях выступает в форме медийного ритуала. СМИ транслируют эти истории с целью получения большей прибыли, что становится «систематическим извращением человеческого стремления к общности» [14, с. 12]. К тому же аудитория непосредственно участвует в производстве информационных продуктов СМИ. Получается, что чем больше насилия происходит в жизни людей, тем больше историй этому посвящено в СМИ.

Отрицать влияния СМИ на потенциальных скулшутеров невозможно. Данный процесс следует рассматривать сразу на нескольких уровнях восприятия. Во-первых, на индивидуальном уровне скулшутеры привлекаются к конкретному насильственному медиаконтенту в рамках стратегии психосоциального преодоления, которая пытается регулировать, компенсировать нанесенный значительный ущерб в результате неоднократного жестокого обращения в семье, школе и группе сверстников.

Во-вторых, на культурно-социальном уровне СМИ функционируют как отражатели социальных норм и культурных сценариев, к которым подростки особенно восприимчивы из-за специфических биографических, межличностных и психологических стрессов, которые они испытывают.

В-третьих, на межличностном уровне именно процессы идентификации, передаваемые через СМИ, могут способствовать массовым расстрелам в школах. Подростки олицетворяют себя частью радикальной группы угнетенных изгоев, которые выступают против того, что они воспринимают как социальную несправедливость с помощью своих (в том числе имитационных) актов насилия. Акт насилия в качестве зрелища выбран намеренно, чтобы привлечь внимание средств массовой информации к их мотивам. Многочисленные подростки по всему миру идентифицируют себя с этой идеологией или чувствуют солидарность с ней, встречаясь в интернет-сообществах, чтобы обсудить преступников и их действия.

Существует и несколько иная точка зрения. Скулшутеры стали все чаще использовать легкодоступные медиаресурсы для увеличения хаоса совершаемых актов и культивирования насилия в массах. Если в 1999 году Эрик Харрис и Дилан Клиболд вели личные видеодневники о подготовке и проведении теракта в школе «Колумбайн», то в настоящее время скулшутеры используют такие открытые медиаресурсы, как *Telegram*, *VK* или *YouTube*. Если раньше стрелкам было необходимо обязательное наличие видеокамеры непосредственно на месте совершаемого акта насилия,

то сейчас открытые медиаресурсы позволяют транслировать преступную идеологию до совершаемых событий. К примеру, казанский стрелок Ильназ Галявиев выложил серию постов в собственном Telegram-канале; пермский стрелок Тимур Бекмансуров опубликовал огромный манифест на своей странице в социальной сети *VK*; благовещенский стрелок Даниил Засорин опубликовал ролик с описанием нападения в *YouTube*. Нет ничего примечательного в том, что скулшутеры используют современные медиатехнологии для общения со своей воображаемой аудиторией. Скулшутеры, как и любые другие члены общества, используют все доступные медиаплатформы.

Действительно, в истории встречаются многочисленные примеры скулшутеров, которые значительную долю своего свободного времени посвящали изучению различных медиаресурсов и в первую очередь их интересовали такие темы, как насилие, оружие и смерть. Однако данный вид контента является типичным для возрастной группы скулшутеров [8, с. 30]. Отсюда стоит выделить основные характерные черты общего профиля скулшутера. К таковым относятся: преимущественно дети мужского пола из белого среднего класса; проживающие в сельских или пригородных районах; живущие как в полноценных семьях, так и в неполных или приемных (формальный состав семьи менее важен, чем то, как люди взаимодействуют внутри семьи), отношения в семье описываются как проблемные и дисфункциональные [15, с. 50]; скулшутеры могли сталкиваться с физическим или сексуальным насилием [7, с. 211].

Согласно исследованию, проведенному Секретной службой США и Министерством образования США, примерно 71 % скулшутеров до стрельбы подвергались преследованиям, преследованиям, угрозам, нападениям или причинению вреда со стороны своих сокурсников [16, с. 19]. Как правило, незрелые, замкнутые одиночки с отклонениями в развитии социальных навыков и небольшим количеством, если таковые имеются, близких друзей [11, с. 1310].

Итак, можно сделать вывод, что помимо потребления медиаконтента следует рассматривать иные факторы риска, такие как маргинализацию, семейные проблемы и травматические переживания. Обсуждение возможных взаимосвязей между дискурсом СМИ и скулшутерами возможно только в комбинации с уникальным набором личностных черт и социокультурного контекста каждого отдельного стрелка.

Список литературы

1. В России хотят признать движение «Колумбайн» террористическим [Электронный ресурс]. URL: <https://crimea.ria.ru/20220119/v-rossii-khotyat-priznat-dvizhenie-kolumbayn-terroristicheskim-1122090622.html> (дата обращения 20.01.2022).

2. Гандзюк О. «А он мне нравится, он мой краш». Почему подростки сходят с ума по казанскому стрелку [Электронный ресурс]. URL: <https://belsat.eu/ru/programs/19-05-2021-a-on-mne-nravitsya-on-moj-krash-pochemu-podrostki-shodyat-s-uma-po-kazanskomu-strelku/> (дата обращения 24.01.2022).
3. Делибалт В. В., Богданович Н. В. Скулшутинг: как понять причины и предотвратить? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.informio.ru/publications/id5611/Skulshuting-kak-ponjat-prichiny-i-predotvratit> (дата обращения 06.01.2022).
4. Случаи стрельбы и нападений в российских школах и колледжах. Справка [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/society/11/05/2021/609a5cdc9a7947237982ce4a> (дата обращения 08.01.2022).
5. Appel M. Fictional narratives cultivate just-world beliefs // *Journal of Communication*, 2008. P. 62–83.
6. Fahlenbrach K. Protest-Räume – Medien-Räume. Zur rituellen Topologie der Straße als Protest-Raum. Straße als kultureller Aktionsraum: Interdisziplinäre Betrachtungen des Straßenraumes an der Schnittstelle zwischen Theorie und Praxis, 2009. P. 98–111.
7. Fast J. *Ceremonial Violence: Understanding Columbine and Other School Rampage Shootings*. NY: Abrams Press., 2008. 336 p.
8. Ferguson C. J. The school shooting/violent video game link: Causal link or moral panic? // *Journal of Investigative Psychology and Offender Profiling*, 5, 2008. P. 25–37.
9. Gamson W. A., Modigliani A. Media discourse and public opinion on nuclear power: A constructionist approach // *American Journal of Sociology*, 95 (1), 1989. P. 137-177.
10. Kupchik A., Bracy N. L. The news media on school crime and violence: Constructing dangerousness and fueling fear // *Youth Violence and Juvenile Justice*, 7 (2), 2009. P. 136–155.
11. Larkin R. W. The Columbine Legacy: Rampage Shootings as Political Acts // *American Behavioral Scientist*. 52 (9), 2009. P. 1309–1326.
12. Merton R. K. *Sozialstruktur und Anomie. Kriminologische Grundlagentexte*, 1968. С. 283–313.
13. Muschert G. W. Frame-changing in the media coverage of a school shooting: The rise of Columbine as a national concern // *Social Science Journal*. 46, 2009. P. 164–170.
14. Muschert G. W., Sumiala J. *School Shootings: Mediatized Violence in a Global Age (Studies in Media and Communications) (Studies in Communications)*. Emerald Publishing Limited., 2012. 300 p.
15. Newman K. S., Fox C., Roth W., Mehta J., Harding D. *Rampage: The social roots of school shootings*. NY: Basic Books., 2005. 424 p.
16. Vossekuil B., Fein R., Reddy M., Borum R., Modzeleski W. *The Final report and findings of the safe school initiative: Implications for the prevention of school attacks in the United States*. Washington, DC: U.S. Secret Service and U.S. Department of Education., 2004. 39 p.

THE INFLUENCE OF MASS MEDIA ON THE POPULARIZATION OF THE PHENOMENON OF SCHOOLSHOOTING

L.A. Shuvalov

Tver State University, Tver

The article examines various factors of influence that can affect potential school shooters. A special place in this list of factors is given to the disputes over the ability of the media to influence. The phenomenon of school shooting calls forth the need for a comprehensive study of the causes of acts of aggression.

Keywords: *school shooting, Columbine, performative protest code, frame, mass media, impact, media resources, media content.*

Об авторе:

ШУВАЛОВ Лев Алексеевич – аспирант кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: shuvalov.leo@inbox.ru.

About the author:

SHUVALOV Lev Alekseevich – Postgraduate Student at the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova str., 33), e-mail: shuvalov.leo@inbox.ru.